

H. P. Tappan

Иван Федорович Горбунов

Генерал Дитятин

В настоящее издание вошли избранные юмористические произведения знаменитого писателя XIX века Ивана Федоровича Горбунова.

Не многим известно, что у Козьмы Пруtkова был родной брат – генерал Дитятин. Это самое вдохновенное создание Горбунова. Свой редкий талант он воплотил в образе старого аракчеевского служаки, дающего свои оценки любому политическому и общественному явлению пореформенной России.

Содержание

Тост генерала Дитятина0005
Речь, сказанная генерал-майором Дитятиным при освящении танцевальной залы в дирекции императорских театров 28 сентября 1891 года 0009
Письмо из Бузулука (Письмо графу С. Д. Шереметеву)0013
Приезд шаха Персидского (Письмо графу С. Д. Шереметеву)0016
Послесловие Неподражаемый рассказчик . .	.0020

**Иван Горбунов
Генерал Дитятин**

Тост генерала Дитяткина[1]

— **М**илостивые государи, вы собрались здесь чувствовать литератора сороковых годов, отставного коллежского секретаря Ивана Тургенева.

Я против этого ничего не имею...

По приглашению господ директоров, я явился сюда неприготовленным встретить такое собрание российского ума и образованности.

Хотелось бы говорить, но говорить, находясь среди вас, трудно: во-первых, разница наших взглядов, во-вторых, свойственная людям моей эпохи осторожность. Нас учили больше осматриваться, чем всматриваться,

больше думать, чем говорить, словом, нас учили тому, чему, к сожалению, теперь... уже более... не учат.

Милостивые государи, вы слишком молоды! Среди вас нет ни одного, кто был бы свидетелем того перелома и треска в литературе, коего я был свидетелем.

Объяснюсь...

В начале тридцатых годов, выражаясь риторическим языком, среди безоблачного неба, тайный советник Дмитриев[2] был внезапно обруган семинаристом Каченовским.[3]

Подняли шум...

Критик скрылся...

Далее, генерал-лейтенант, сочинитель патриотической вести двенадцатого года, Михайловский-Данилевский[4] был обруган.

Были приняты меры...

Критик испытал на себе быстроту фельдъегерской тройки...

Стало тихо.

Но на почве, удобренной и усеянной мыслителями тридцатых годов, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колос, сорвавшийся со стебля в сороко-

вых годах, были «Записки охотника», принадлежавшие перу чествуемого вами ныне литератора сороковых годов, отставного коллежского секретаря Ивана Тургенева.

В простоте солдатского сердца, я взял эти «Записки», думая найти в них записки какого-либо *военного* охотника.

Оказалось... что под поэтической оболочкой скрываются *такие* мысли, о которых я не решился не доложить графу Закревскому.[5]

Граф сказал: «Я знаю».

Я в разговоре упомянул об этом князю Сергею Михайловичу Голицыну.

Он сказал: «Это дело администрации, а не мое».

Я сообщил митрополиту Филарету.[6]

Владыка мне ответил: «Это веяние времени».

Я увидел что-то странное. Я понял, что мое дело проиграно, и... посторонился.

Теперь, милостивые государи, я стою в стороне, пропуская мимо себя нестройные ряды идей и мнений, постоянно сбивающиеся с ноги, но я всем говорю: «Хорошо!»

Но мне уже никто, как бывало, не отвеча-

ет: «Рады стараться, ваше превосходительство». – а только взводные с усмешкой кивают головой.

Я кончил...

И еще раз поднимаю бокал за здоровье отставного коллежского секретаря, литератора сороковых годов Ивана Тургенева.

«Русская старина» № 3, 1884 V.

Речь, сказанная генерал-майором Дитятиным при освящении танцевальной залы в дирекции императорских театров 28 сентября 1891 года[7]

Почтеннейшее собрание!
Древние небожители, при разделе между собою почетных должностей, в экстренном заседании на высотах священного Олимпа, отдали театр в ведение трем девицам-богиням – Мельпомене, Талии и Терпсихоре.

Девы признали невозможным троевластие, то есть совместное правление, и любовно разделились между собою.

Мельпомена взяла под свое покровительство драму, Талия – комедию, а Терпсихора – балет.

Поставили девы свои храмы, утвердили в них жертвенники, которые немедленно обступили жрецы и жрицы.

Первые люди, возложившие свои тучные

жертвы на жертвенник Мельпомены, были, если история не ошибается, Эсхил, Софокл и Эврипид; на жертвенник Талии – Аристофан; у жертвенника Терпсихоры юноши и старцы принесли в жертву самих себя.

Все народы мира последовали примеру греков и воздвигли у себя храмы в честь богини сценического искусства.

Шли века...

Палимые огнем, разрушаемые землетрясением, засыпаемые пеплом, гибли великие города, стирались с лица земли целые государства, изменялись народные обычаи и нравы, но непоколебимо стоял жертвенник богине сценического искусства.

Наконец настал век куртажа[8] и наживы, это теперешний век, в который мы с вами влачим свое существование, и жертва Талии и Мельпомене оскудела.

Не возвышающую душу драму, не улаждающую ч веселящую сердце комедию несут к подножию их жертвенников, а раздирающую душу тоску в пяти действиях, мещанскую скорбь в стихах, будни жизни, дурацкий куплет и злокачественную оперетку.

Жрецы, обязанные пожрать все приносимое, стоят около жертвенника в унынии.

*Нет великого Шекспира.
Жив и здравствует...*

Nomina sunt odiosa...[9]

Только на вашем жертвеннике, о жрицы Терпсихоры, горит неугасимо божественный огонь, возженный вашей богиней.

О, как сильно бьется под Станиславской звездой мое сердце, когда я взираю на вас, стоящих у жертвенника! Что-то неизъяснимое, что-то таинственное совершается со мной! Душа в одряхлевшем теле наполняется восторгом.

Вспоминаю минувшие дни, проведенные мною в Царстве Польском при Паскевиче,[10] когда я... впрочем, я начинаю увлекаться...

Почтеннейшие художницы! Мы присутствуем при открытии для ваших занятий вновь устроенной залы.

Вам это мало: желаю,

*Чтоб построили вам храмы,
Золотые алтари,
Где б курились фимиамы*

От зари и до зари...

А вы перенесите нас в иной мир – в мир очарований, в мир красоты и обаяния, как в былые годы ваши подруги – Фанни Эльслер и Санковская.

*Под такт живых созвучий,
Чуть касаясь до земли,
Восхитительной кочучей
К Андалузии кипучей
Живо нас перенесли,
Довольно слов!
Содвигнем бокалы,
Чокнемся разом!
Да здравствуют музы!
Да здравствует разум!*

Сочинения, т. 2. СПб... 1904 г.

Письмо из Бузулука (Письмо графу С. Д. Шереметеву)[11]

Бузулук. 1 июня 1887 года.

Осматривая по должности вверенные мне артезианские колодцы в России, я, проездом из Оренбурга, остановился для отдыха в г. Бузулуке.

Об этом городе вскользь упоминается в сокращенной географии Адольфа Пинкертон, издание 1803 года: «Бузулук был временным пребыванием злодея Пугачева».

А в географии Ивана Гейма более пространно о сем городе сказано: «Бывши в древности сторожевым постом от набега кочующих народов и находясь при слиянии двух рек Бузулука и Самары, сей город в наше время процветает торговлею, утучняя волжские караваны пшеницею».

История сего города мне неизвестна. Есть вероятие, что он основан «вольными людьми», бежавшими в степь «за зипуном»,

ради грабежа, или просто «от тесноты и жесточи московского государства». Обратившись потом «в сидячих людей», они основали город, представляющий в настоящее время нечто невообразимое.

Населен он дикими купцами и по невежеству своему занимает первое место в Российском государстве.

В административном отношении он подчинен самарскому губернатору А. Д. Свербееву, моему старинному знакомому, а для быстрых, не требующих отлагательства распоряжений – уездному исправнику с товарищем.

Кроме двух рек, в городе имеется грязной жидкостью наполненная канава, «в ней же свиньи преплывают».

Ходят эти свиньи и по улицам, массами и в одиночку.

Летом – ослепляющая пыль, осенью – невылазная грязь, останавливающая движение канцелярских бумаг, прекращающая взыскание и описи имущества, ибо к описуемым в это время пробраться невозможно, и, несмотря на все это, обыватели города Бузулука (здешние барыни называют Бузулюк) точ-

но так же, как люди «в странах, благословенных природою», могут находить счастье.

Процветает невежество, процветает и торговля.

Главная отпускная торговля города – водка. Ее отпускают из складов и оптом, и в розницу, и распивочно, и на вынос.

Совсем обрусевший немец из Марбурга, в детстве сидевший на школьной скамейке с Бисмарком, имеет здесь единственную типографию. Он мне сказывал, что типография его, кроме как этикетов на водку, ничего не печатает.

«Иван Вышнеградский,[12] чувствуй!»

Думаю заняться прожектором экспедиции заготовления водочных этикетов и ярлыков.

В Оренбург я ездил по своим делам частным. У меня там была башкирская земля, но оказалось – ее взяли у меня обратно вследствие ревизии Ковалевского.[13]

Наплевать, не надо!..

Сочинения, т. 2, СПб. 1904 г.

Приезд шаха Персидского

[14]

(Письмо графу С. Д. Шереметеву)

При жаре, достигающей по Реомюрову градуснику до 30 градусов, берусь за перо, чтобы побеседовать с Вами. Мы, старики, болтливы, а потому не осудите меня, если письмо мое будет длинно, а может быть, и бессодержательно. Это будет зависеть как от жары, так и от некоторого чувствоваемого мною в последнее время мозгового переутомления.

Начну со встречи шаха персидского, которую я смотрел с балкона гостиницы коммерции советника и кавалера Константина Палкина.

Быстрый проскок его величества, царя царей, не дал мне возможности рассмотреть орлиный взор его, один только нос повелителя Ирана неизгладимо запечатлелся в моей памяти. Не одними только внешними украшениями – алмазами и бриллиантами – выделя-

ется он из среды своих подданных: величайшему из земных царей дарован природою величайший из земных носов нос.

Репортеры хотели было подвергнуть его осмеянию, но им внушили, чтобы они не касались этого предмета, как предмета для иранцев священного, дабы не испортить наших переговоров относительно Персидского залива.

Сэр Морриер приказал своим агентам тщательно просматривать русские газеты, чтобы найти предлог испортить наши отношения. Известно, что англичане всячески стараются отвлечь наше внимание от Персидского залива и добровольно предлагают нам морскую стоянку в Бабель-Мандебском проливе. Это мне откровенно рассказывал генерал-адъютант шаха Насируль-Мульк, с отцом которого я был знаком в Реште в 1838 году.

На другой день по приезде был представлен шаху, когда его величество сидел в ванне, содержатель увеселительного сада «Аркадия» Гюнцбург – в комическом виде представлял итальянских певцов.

Звезда Льва и Солнца 2-й степени.

По выходе из ванны представлялось бесчисленное множество фотграфов.

Звезды разных степеней. Генерал-фотографу Насветевичу 1-й степени.

Старый друг мой тайный советник Гамазов представил его величеству мои сочинения:

1. «Превосходство кремневого ружья».

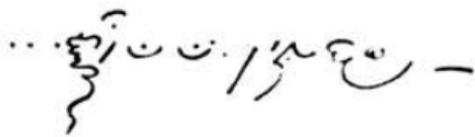
Мысли старого служаки (Москва, в тип. Селивановского, 1843 г.).

2. «Ошибки военачальника в битве при реке Калке». Военно-критический этюд. Извлечен из журнала «Благонамеренный».

3. «Неудобства пистонного запала». Извлечен из журнала «Инвалид», 1846 г.

4. «Возможность столкновения на реке Шпрее». Рассуждение. Извлечен из журнала «Московский листок», 1888 г.

Принято благосклонно. Последнее сочинение приказано перевести на персидский язык. Собственноручно написано:

Что значит:

«Благодарю. Не оскудевай умом».

А фотографам звезды:

– О Восток!

Зимним дворцом остался очень доволен.

Все время пребывания повторял одну фразу:

– Пале манифик! Электрик манифик![15]

От портрета Паскевича отвернулся. Эри-
вань вспомнил.[16]

Не любишь!..

В Сербии нехорошо, в Испании тоже: по га-
зетам, королева уехала в Аранхуед.

Сочинения, т. 2, СПб., 1904 г,

Послесловие

Неподражаемый рассказчик

«Кажинный раз на этом месте...» Немногие знают, что эти крылатые слова впервые произнес прославленный рассказчик Иван Федорович Горбунов.

Крестьянский сын из подмосковного фабричного села Ивантеевка, «из-за стесненных средств» покинувший третий класс гимназии, Горбунов занимается перепиской, дает уроки в небогатых купеческих домах Замоскворечья. Он наблюдает быт и нравы московского захолустья, жадно вслушивается в удивительные извивы образной русской речи, почти ежедневно посещает дешевый раек Малого театра.

Москва 1849 года... Никому не известный юноша Горбунов каллиграфическим почерком переписывает никому почти не известную комедию «Банкрот». Вечером к переписчику зашел белокурый, франтовато одетый молодой человек, лет двадцати пяти – автор комедии.

– Позвольте вас спросить, – робко обратился к нему Горбунов, – я не разберу вот этого слова.

– «Упаточилась» – слово русское, четко написанное.

Так впервые встретился автор «Банкрота» («Свои люди – сочтемся») А. Н. Островский с лучшим другом и соратником своим И. Ф. Горбуновым.

Горбунов одно время и жил в доме А. Н. Островского. Здесь в 1853 году сотрудники «молодой редакции» «Москвитянина» услышали его первые рассказы из народного быта. Прием был восторженным.

Знатоки и чародеи звучащего русского слова Александр Островский и Пров Садовский сразу же разглядели необыкновенность горбуновского таланта. Они его первые ценители, вдохновители, наставники. Садовский страстно пропагандирует новоявленный талант по всей Москве. В 1854 году в свой бенефис он выводит Горбунова на сцену Малого театра в роли молодого купца в пьесе М. Н. Владыкина «Образованность». А через год при содействии Садовского и Тургенева Гор-

бунов переходит навсегда в петербургский Александрийский театр.

Живя в Петербурге, Горбунов остается москвичом. Кончается театральный сезон, и он устремляется в город своей юности. В Москве у него остались и лучшие друзья – кружок «молодой редакции» «Москвитянина»: Пров Садовский, Аполлон Григорьев, Евгений Эдельсон, Третий Филиппов, Борис Алмазов, Николай Рамазанов и другие. Душой «молодой редакции» был А. Н. Островский. Здесь царил культ слова, культ старинного русского быта. Здесь же родилась и неосуществимая попытка найти истинно русские народные характеры в среде самодурного купечества.

А. Григорьев, обращаясь к «старым» славянофилам, писал: «Убежденные, как и вы же, что залог будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов, – в классах, не тронутых фальшью цивилизации, – мы не берем таковым исключительно одно крестьянство: в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую, извечную Русь».

Эти славянофильские взгляды сказались даже в пьесах Островского «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется» и особенно в «Бедность не порок».

Но почему только один член «молодой редакции» Иван Горбунов не поместил в славянофильском «Москвитянине» ни одного произведения? Почему он первое свое печатное произведение «Просто случай» отнес в журнал западников «Отечественные записки»? Да потому, что не защита «человеческого» в пьяном русском купце, а осмеяние его – вот пафос этого произведения, разделивший Горбунова с славянофилами. В своем творчестве он всегда оставался писателем-демократом, верным учеником Островского. Влияние «молодой редакции» сказалось более на известной аполитичности Горбунова.

Публичные чтения своих сцен Горбунов начал в 1855 году в Москве и Петербурге. Это был какой-то неслыханный взлет артистической славы, Вскоре по приезде в Петербург он пишет отцу: «Теперь у меня приглашение за приглашением; признаться сказать, попринадоело... Не знаю, чем кончится моя карьера, а

начата так блестяще, что ни один актер так не начинал своего поприща: «Да какой актер? Из литераторов-то».

Репертуар еще весьма скромнен «У квартального надзирателя», «Мастеровой» да начавшая свое триумфальное шествие сцена «У пушки». Вот и все. А слушатели не замечают этой ограниченности. В десятый, в сотый раз несется требовательное: «У пу-у-шки!..», «У пу-ушки!..», «Читайте «У пушки!».

Обостренное чувство слова, чарующая правдивость интонаций, тембра, ритма речи героев, тонкая юмористическая наблюдательность, уморительная мимика, игра глаз – вот что покоряло зрителей в этом «актере из литераторов-то». И как-то сразу всем стало ясно – на русской земле появился талант новый, незнаемый.

Невольно вырвалось словечко «неподражаемый», да так и осталось постоянным эпитетом горбуновского таланта. Подражать Горбунову и нельзя. Полное и мгновенное перевоплощение в своих героев, редкостный дар имитации, богатство мимики, неисчерпаемое многоголосие – это мог только Горбунов.

Один он мог делать свои «перемолвки на двенадцать голосов». И всякий, кто не видел, а лишь слышал рассказчика, был убежден, что где-то по-соседству беседуют, спорят, восторгаются и негодуют двенадцать характеров, двенадцать живых людей, а то и целая уличная толпа.

Запечатлеть и выразить характер в одной реплике – это, на зависть всем драматургам и актерам прошлого и настоящего, умел только Горбунов. Рассказы его надо было слушать в его же исполнении. Но и читая их, мы слышим интонацию героев. Городовой уводит в участок астронома-любителя. Толпа обывателей комментирует это событие. Слышится: «На Капказе бы за это...»

Одна реплика. И перед нами старый забитый служака, для которого высочайшая, святая справедливость – офицерская зуботычина.

Где имитация – там и курьезы. Горбунов совсем не знал по-английски. Англичане же, слушая его речи и не понимая ни слова, были абсолютно и приятно убеждены, что их приветствуют на родном языке. У Горбунова даже

был, не сохранившийся в записи, рассказ «За-атлантические друзья». На банкете выступают виновники торжества – американцы. У каждого особый тембр и ритм речи в соответствии с характером и темпераментом. И все это на «английском» языке, сымпровизированном Горбуновым.

Писатель и актер Горбунов – «мастер характерной детали, лаконичного сгущенного мазка». Это его стихия. В ней он нашел себя, свое призвание, свое место в искусстве. Большие роли, по-видимому, не укладывались в его исполнительскую технику. Прослужил он в Александрийском театре 40 лет. Островский назначал ему роли во всех премьерах своих пьес. Но только Кудряша в «Грозе» он сыграл с подлинно горбуновским комедийным лиризмом, Кудряш – Горбунов вошел в золотую галерею русских сценических образов.

Горбунов – новатор, первооткрыватель и неподражаемый мастер в другом жанре. Он становится властелином подмостков, антрактов, актером без рампы и декораций. Горбунов упрочил на русской сцене устный эстрадный рассказ. Радуясь за своего талантливую

ученика, Островский говорил: «Горбунов читает совершенно моим тоном». Но Горбунов пошел и дальше своего учителя. Он раздвинул возможности звучащего слова, открыл его новую, эстрадную стихию.

Не только редкий дар имитации и импровизации, необыкновенность исполнительского мастерства создали Горбунову крылатую славу. Злободневность сцен из народного быта, гуманизм автора вызывали громадный интерес слушателей в годы борьбы за освобождение крестьян от крепостного рабства. На литературных вечерах, благотворительных концертах, а чаще на дружеской вечеринке повествовал актер-рассказчик о жизни народа. И, выйдя на сцену Александринского театра в антрактах, на бенефисах своих друзей, этот «отец русской эстрады» переносил своих слушателей от репертуарных замков и будуаров, еще частых в то время, в московское захолустье, в деревенскую глушь.

В сценах из народного быта – тонко подмеченная Горбуновым психология незаметного русского человека, горемычная жизнь крестьян и фабричного люда.

Крестьянам и фабричным Горбунова присуще любовное, какое-то просветленное отношение к русской природе. В ней они черпают силу, свою житейскую уверенность. Лес, луг, река, их обитатели с непременными лешими и водяными – это особенный, поэтический мир простого человека. У чудаковатого героя сценки «Безответный» природа – страсть, самозабвение, вся жизнь: «Народ – кто в трактор, кто куда, а я в лес...» Но и эта безобидная, поэтическая любовь приносит герою страдания.

Страдания и слезы – неотвязные и печальные спутники жизни народной в рассказах Горбунова. «Вся-то жизнь наша слезы, – говорит старик в «Медведе», – родимся мы во слезах и помрем во слезах... И сколько я этих слез на своем веку видел и сказать нельзя».

Дореформенные и пореформенные крепостники всегда вызывали ненависть автора. Крестьяне Горбунова еще неспособны на активный протест. Они протестуют своеобразно – отмежевываясь от господ, оберегая свою чистоту, а подчас свои наивные представления, даже темноту свою.

Да и кто развеет эту темноту русского мужика! Ведь «господам служили, а господину зачем наша наука, – резонно рассуждает Прасковья в «Визите»... – Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпеть не могла, кто книжки читает».

Вот почему существование лешего и водяного – это уж вне сомнения, «кого хошь спроси», да к тому же у лешего и вид вполне определенный: «одна ноздря, а спины нет». Как должное воспринимается и слух о явлении в церкви... анафемы с седенькой бородкой, и то, что англичанину все возможно – ведь он верит... в петуха. И эти наивные верования крестьяне оберегают от господ. «Дворянин один в Калуге не верит в лешего», «Но много он знает – дворянин-то?!», «Да что доктора, – утверждает охотник в «Медведе», – для господ они, может, хороши, а нам они ни к че, му... Нашу натуру они не знают, порошки ихние на мужика не действуют». Так улыбка Горбунова просто и своеобразно развенчивала разглагольствования официальной пропаганды о единении и взаимной любви угнетателя и угнетенного.

В юморе Горбунова – раздумье о тоске-печали мужика, у которого, по меткому выражению крестьянина в «Медведе», «душа в грудях заросла». Но и эта «заросшая», темная душа сознает свое человеческое достоинство, а сказать-то о нем может только в песне, да и то, если господ нет дома:

*«Ах, нас, крестьян,
Господа теснят!
Мы не ряженые,
Не помаженные,
Ай в нас душа...»*

Правдивым и колоритным изображением этой «заросшей души», для которой высшее счастье, «коли запрету от господ нет», которая рвется «на произволенье», Горбунов вносил свой вклад в освободительную литературу шестидесятников. Не случайно его поэтический рассказ «Лес», и овеянный грустным юмором «Утопленник», и трагически-безысходная сцена «На большой дороге» печатались в «Современнике» Некрасова и Чернышевского.

«До конца, до мельчайших подробностей ведомый мне мир», – говорил о «темном цар-

стве» Горбунов. Непреступны для свежего ветра высокие заборы замоскворецкие, плотно прижатые ставни, накрепко захлопнутые двери. Непреступно для нормальных человеческих мыслей и чувств ожиревшее сердце купеческое. Сонная одурь, прерываемая диким хмельным разгулом, – вот стихия «темного царства» в сценах из купеческого быта Горбунова.

К концу масленицы от неумеренного блинообжорства купеческий дом «одурел». Молча глядят животы, слышно чье-нибудь громкое икание, да хозяйский сын Семенушка воскликнет: «Манька, я... я забыл, сколько съел...» И последует бабушкино успокоительное; «Ешь, Семенушка, ночью не дадут...»

Беспредельный талант имитатора и мимиста часто увлекал Горбунова на изображение разгульных купеческих оргий. Как никто другой, умел артист-рассказчик вызвать смех-отвращение к забавам захмелевших купчиков. У мужика хмель-забвение – «пей – забудешь горе». Пьяный мужик Горбунова жалок и несчастен. К купцам же Горбунов жалости не находил. Слишком часто видел он, как само-

дуры «в гостинице «Ягодка» мазали горчицей лицо трактирному служителю». И, отрезвев, купец, не видя в этом ничего плохого, объясняет судье с самодурной наивностью: «Какая же тут моя вина, ежели мы за свои деньги... ежели и смазали маленько – беды тут большой нет; если бы его скипидаром смазали... опять и деньги мы за это заплатили».

«Деньги... За все заплачено...» Вот единственные основания купеческой нравственности – самодурства и своеобразной невежественной гордости. Чем нелепей, невежественней, бесчеловечней поступок – тем больше любованию им. Какой-то грамотей-просветитель пытается разъяснить обывателям московского захолустья причины солнечного затмения. О его невесело начавшемся утре мы узнаем из одной реплики купеческого прихлебателя, восхищенного «подвигом» своего Ивана Ильича: «Спервоначалу зашел в трактир и стал эти слова говорить: «Теперича, говорит, земля вертится», – а Иван Ильич как свистнет его в ухо!.. «Разве мы, говорит, на вертушке живем?» Кончилось все участком, и попал туда не Иван Ильич, а несчастный про-

светитель.

В сценке «Развеселое житье» купец выявляется в своих убеждениях еще определеннее. Замечание какого-то господина, что безобразничать с дамами в трактире – «ваше одно необразование», распоясавшийся лабазник «опровергает» сногшибательным ударом.

Картины купеческих нравов в сценах и очерках Горбунова – своеобразное и красочное дополнение к сочинениям великого русского драматурга, бытописателя и обличителя «темного царства» А. Н. Островского.

Горбунов расслышал в народе великий страх перед неправдой полицейщины и бюрократии. На околице убит молнией человек. Мы чувствуем, слышим смятение всей деревни: «Теперь и не разделаешься». Вдруг испуганное, вводящее в дрожь: «Становой!.. Становой!..»

И у мужиков к безвинному Петрухе, первому увидевшему убитого, просьба боль, просьба-страх: «Петрушка! Голубчик, не погуби! Все на себя прими».

Квартальный и становой пользуются у Горбунова вниманием особым. Ведь эта, так

сказать, непосредственная власть страшна крестьянину и московскому обывателю. Сии блюстители порядка могут привлечь к ответу по любому поводу, а то и просто без повода. А коли привлечен, доказывать невиновность – труд напрасный, и остается твердить в любом случае одно и то же: «К этому делу непричинен». Такое же испуганно-недоверчивое отношение простого человека и к суду, и ко всякой власти вообще. Это чувство русского мужика и правила жизнеповедения, вытекающие из него, первый исследователь творчества Горбунова, известный юрист А. Ф. Кони, назвал «целым правосозерцанием, над которым нельзя не задуматься».

Полицейский в сценах Горбунова – это молодой, неукротенный Пришибеев. Время Горбунова – расцвет пришибеевской методы. Горбуновскому Пришибееву никто не возражает. Он не рассуждает, он действует. Арестует портного, собравшегося лететь на воздушном шаре. И кто-то из обывателей резонно замечает: «И как это возможно без начальства лететь?» Любитель-астроном и городской ведут весьма обычный разговор, в котором мы

ясно слышим пришибеевскую интонацию:

«– Вы тогда поймете, когда в диске будет.

– Почтенный, вы за это ответите!

– За что?

– А вот за это слово ваше нехорошее...

– Сейчас затмится!

– Может, и затмится, а вы, господин, пожалуйте в участок».

Очень мало сохранилось рассказов Горбунова о российском судопроизводстве, дававшем его таланту богатейший материал. Только по воспоминаниям современников мы знаем теперь один из шедевров Горбунова «Политический процесс», где российские держиморды и ляпкины-тяпкины ведут удивительно серьезное и до нелепости смешное разбирательство дела крупного государственного преступника, оказавшегося обыкновенным пьянчужкой. Вместе с артистом умерли и сценка «Земское собрание», и рассказ о прибавке жалования уездной полиции, и, наконец, сатирическое изображение несуществующего русского парламента, по вполне понятным политическим соображениям рассказываемое в тесном кругу друзей. Только из-за

победоносцевской цензуры не попало в печать ни одного рассказа о жизни духовенства, которые, по воспоминаниям современников, были многочисленны, на редкость колоритны и остроумны.

Высмеивая крючкотворство судей, рукоприкладство городских, жульничество духовенства, Горбунов был другом, помощником и активным деятелем прогрессивной сатирической журналистики шестидесятых годов.

Не многим известно, что у Козьмы Прутков был родной брат – генерал Дитятин. Это самое вдохновенное создание Горбунова. Свой редкий талант он воплотил в образе старого аракчеевского служаки, дающего свои оценки любому политическому и общественному явлению пореформенной России.

Прикрываясь этой яркой сатирической маской, артист зло и остроумно издевался над всеми видами российского мракобесия, шовинизма, ретроградства и тупоумия. Воззрения Дитятина, в изображении Горбунова, реакционнее реакционнейших «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. На сей счет мы имеем даже самопризнание Дитятина, внесенное им в

свою «Записную тетрадь старого москвича»: «Не во всем я с мнением «Московских ведомостей» согласен».

Все прошлое вызывает в ретрограде Дитятине умилительно-восторженное воспоминание. Настоящее – только генеральскую ненависть, раздражение. Дорожил генерал Дитятин больше всего солдатской муштрой, столь усердно насаждавшейся Аракчевым и Николаем I, которая столь блистательно привела к крымской катастрофе. Впрочем, к этой катастрофе генерал Дитятин «непричинен». Ведь именно он всегда утверждал, что «солдат создан не для войны, а для караульной службы». И приводил убедительный аргумент знатока: «Война пачкает мундиры и разрушает строй».

Генерал Дитятин не только без устали негодовал на военное министерство, введшее обязательную воинскую повинность вместо двадцатипятилетней солдатчины. Он любил потолковать и о политике. Однажды предложил «вводить православие посредством пирогов», придумал «налог на пуговицы», от имени генерала Дитятина Горбунов заклея-

мил различные виды политического отступничества фразой: «В России всякое движение начинается с левой ноги, но с равнением направо».

Литературный кумир Дитятин – Державин. Ни Гоголя, ни Некрасова, ни Тургенева, ни Островского, ни Толстого он не признавал. И всегда жалел, что граф Бенкендорф был слишком либерален с «легкомысленным Пушкиным». И только на пушкинских торжествах 1880 года Дитятин открыл – фамилия Пушкин происходит от слова... «пушка»! Последнее несказанно порадовало его генеральское самолюбие.

Не чужд был Дитятин и науке. На его сочинениях «Превосходство кремневого ружья» и «О возможности столкновения на реке Шпрее» даже шах персидский собственноручно написал: «Благодарствую. Не оскудевай умом». И все-таки, в отличие от Козьмы Прутковэ, генерал Дитятин не умел держать перо. Только на обедах, литературных вечерах, торжествах, дружеских вечеринках, а то и просто на улице «шамшил» и брюзжал генерал Дитятин под раскатистый смех слушателей, утвер-

ждая непреклонность своих окаменевших воззрений. Бесчисленные остроумнейшие экспромты, реплики, каламбуры, изречения, импровизации на юбилеях Пушкина, А. Майкова, Григоровича, Айвазовского, на частых обедах друзей-бенефициантов – все сказанное Дитятиным за тридцать лет исчезло безвозвратно. И теперь читаем мы только тост-экспромт в честь Тургенева, два дружеских остроумных письма, речь при открытии танцевальной залы да его небольшую записную тетрадь.

Популярный генерал Дитятин продолжает жить и после смерти своего создателя. Он становится нарицательным персонажем, «автором» литературных мистификаций. От имени горбуновского генерала читатели пишут анонимные сатирические письма в редакции газет. А в 1907 году в сборнике «Из архива генерал-майора и кавалера И. Ф. Дитятина 2-го. Мемуары и переписка» бездарный царский генералитет высмеян стилем горбуновского героя. Почти на каждой странице этого сборника суждения Дитятина соседствуют с изречениями его друзей – сатирических героев

Салтыкова-Щедрина. Таков этот очень поучительный и так несправедливо забытый сценический образ Горбунова, друга и союзника сатириков-искровцев.

Необыкновенную чуткость к слову, к его истории проявил Горбунов и в стилизациях челобитных, указов, грамот и писем XVII–XVIII веков, его подделки старинной письменности принимались за чистую монету даже знатоками русской старины. Известный историк и этнограф П. И. Савваитов, прочитав «Письмо русского боярина из Эмса», удивился существованию в XVII веке... рулетки. И еще более был поражен, узнав, что этот «боярин»... актер Горбунов.

В своих устных фельетонных сценках Горбунов едко пародировал слог судей, учителей, священнослужителей. Любил Иван Федорович высмеять стиль современных журналистов. Он опубликовал два номера «Ватерпаса» – газеты, уравнильной для всех партий. В этой оригинальной пародии остроумно соединены пустозвонство либеральной и скандальность бульварной прессы. Читая стихи, повести и романы своих современников, Гор-

бунов собирал материал для стилистической хрестоматии «Как писать не надо».

Веселый рассказчик Горбунов любил вспомнить и превратить в сатирический афоризм услышанное выражение. В уцелевшем отрывке его записной книжки есть такая ставшая крылатой фраза петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова: «Я ему дело говорю, а он мне закон тычет». Здесь же и селование учителя истории: «Надо же, что было тысячи лет тому назад, а что вчера было – не помню». И большинство записей Горбунова – это услышанное: «Крестьян отняли, теперь им очень скучно», «За слияние интеллигенции с капиталом» (тост), «Три любовника, а любить некого», «Ошиблись во взглядах: вы думали, что я дурак, а я думал, что вы умный», и т. д.

Эти ежедневные неутомимые поиски слов приводили иногда к совершенно неожиданным, оригинальным результатам. В журнале «Русская старина» Горбунов опубликовал саркастический словарь. Название – «Розгословие». Содержание – глаголы, употреблявшиеся при истязании русского человека полицей-

скими, сельским начальством, воспитателями духовных и светских училищ. Вздрючить, взъерепенить, изъерихонить, отжварить, отрезвонить, выпороть, отпороть, запороть и т. д. – целый словарь надругательств. И горькой иронией в годы жестокой реакции восьмидесятых годов звучал подзаголовок «Розговория»: «Слова, вместе с выражаемыми ими действиями, вышедшие из употребления в новой и свободной России после 19 февраля 1861 года».

Мертвящую реакцию восьмидесятых годов испытал на себе и Горбунов. В одном из писем горькое признание: «В последние два года я был окончательно выбит из репертуара и уже начал терять энергию. На сцену меня не пускали, а в публичных концертах и литературных вечерах, даже со своими собственными произведения «ми, появляться запрещено». И Горбунов отходит в своих рассказах от острой социальной тематики. Все чаще смежит он слушателей аристократических салонов и захмелевшую молодежь царского дома. Все реже, беззлобней знакомый голос генерала Дитятина. И его самая острая сатирическая

сценка «Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности», созданная в 1883 году, – лебединая песнь в его обличительном творчестве. А Горбунову в это время было всего 52 года. Умер он в 1895 году. В последнее десятилетие он создает в основном нравоописательные очерки.

Иван Федорович Горбунов... Это имя стало синонимом неповторимости таланта. И в первую очередь – это неповторимость горбуновского языка. Многоцветность стилистической палитры Горбунова – яркое, поучительное доказательство неисчерпаемости выразительных средств русского языка. В его рассказах и очерках образный и меткий язык крестьянина, фабричных рабочих, купечества. Мы слышим речи деятелей суда и земства. Сценки Горбунова – уникальнейшая «магнитофонная» запись живой звучащей речи сороковых – восьмидесятых годов прошлого века.

Горбунов и сам много сделал для обогащения русской речи. Он окрылил многие выражения. Эта крылатость «горбуновских словечек» родилась из самого существа его нераздельного таланта писателя и актера-рассказ-

чика.

В миниатюрах Горбунова отсутствует интрига, а иногда и всякое действие. Это картинки жизни. И только через диалог вырисовывается психологический облик персонажей. Язык действующих лиц настолько характерен, так метки и индивидуальны реплики, что мы чувствуем до осязаемости обстановку, слышим интонации персонажей, лучше всяких ремарок улавливаем их психологическое состояние. Характерность, точность, краткость реплик и создает афористичность языка горбуновских миниатюр. «Словечки» Горбунова: «Кажинный раз на этом месте», «От хорошей жизни не полетишь», «Ядро особь статья, а бонба особь статья» и другие – нередко в своих полемических статьях использовал В. И. Ленин.

Чтением своих рассказов-миниатюр Горбунов приобрел неслыханную всероссийскую известность. Актер Горбунов совершал многочисленные поездки по России. Он создал эстрадный жанр устного рассказа, породил многочисленных последователей, литературных и сценических двойников. Уже в семидеся-

тых годах выходят поддельные «Сцены из народного быта» Горбунова в трех частях. Если «Сцены из народного быта» самого Горбунова издавались шесть раз, то эта подделка выдержала девять изданий. А десятое по какой-то непонятной причине появилось даже в 1923 году.

Один из бесчисленных друзей артиста, писатель-этнограф С. В. Максимов, вспоминает, как искажали бездарные подражатели один из шедевров Горбунова, сцену «У пушки»: «Рассказ этот был подхвачен различными добровольцами и разнесен по всем городам обширного царства. Шепелявые молокососы из недоучившихся гимназистов, скитальцы, «перелетные птицы» из неудавшихся и потерянных провинциальных актеров лезли с этим рассказом на подмостки увеселительных заведений, которые с середины пятидесятых годов выростали, как грибы. Подражатели бессовестно, из слепого стремления к вящему успеху уродовали коротенький рассказ самодельными вставками, безобразно растягивали его до томительной скуки...»

А некоторые рассказчики и прямо выдава-

ли себя за знаменитого артиста. С одним из таких двойников встретился в провинции сам И. Ф. Горбунов.

Исследователь истории русской эстрады Е. М. Кузнецов в книге о Горбунове отмечал: «На садово-парковой эстраде шестидесятых – семидесятых годов стали появляться разные Горбунковы, Горбунчиковы, Горбунковские – беспомощные, жалкие копировщики, искажавшие облик Горбунова, вызывавшие совершенно ложное о нем представление как о развязном зубоскале псевдонародного толка, рассказчике плоских и пошлых бытовых анекдотов».

Появление подражателей – неизбежный спутник успеха. Но оно же и свидетельство своевременности появления таланта, каким и был Горбунов, вызвавший к жизни эстрадное искусство во всех уголках России.

Редкостный талант Горбунова и доброта его открытой русской души сделали его приятелем буквально всех выдающихся представителей русской литературы и искусства. С некоторыми из них он был в большой и сердечной дружбе. Это в первую очередь А. Н.

Островский, П. М. Садовский, Н. А. Некрасов, М. П. Мусоргский, А. Ф. Писемский, Д. Д. Минаев. «Милейшему и добрейшему Ивану Федоровичу Горбунову», – писали Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. Е. Репин, К. Маковский, В. А. Слепцов, А. Н. Плещеев, В. Курочкин и многие другие.

Неоднократно бывал Горбунов за границей. В первую поездку с А. Н. Островским в 1862 году они посетили в Лондоне А. И. Герцена, который произвел очень большое впечатление на Горбунова. Герцен поразил его «силою своего таланта» и «тем дьявольским остроумием», которым он, по словам Горбунова, отличался. И Горбунов после двух-трех рассказов, среди которых, кажется, был «Квартальный», завоевал симпатии Герцена. Последний пришел в неописанный восторг, горячо обнял Горбунова, расцеловал его и подарил на память фотографическую карточку, где он снят с Огаревым.

По воспоминаниям современника, очень тепло отзывался о таланте Горбунова-рассказчика Л. Н. Толстой: «Горбунов подобен плотнику, который, натянув белую нитку, намеча-

ет черту и рубит по ней. Вот-вот сорвется... в шарж, но, нет – как искусный мастер остается на верной черте. Чистая работа!»

А. П. Чехов писал: «Горбуновский рассказ, несмотря на незатейливую, давно уже заезженную тему, хорош – форма! Форма иного значит...» По свидетельству современника, он сказал о Горбунове по-чеховски кратко и выразительно: «Чует человек Россию!»

Необыкновенный талант, создатель целого направления в русской эстраде, автор поэтических рассказов в лицах, полных юмора, мягкой иронии, а порой и сатиры, создатель оригинального образа Дитятина, неподражаемый Иван Федорович Горбунов, по словам Мусоргского, «не умрет, а будет вовек жить в русской земле».

Вся история русской эстрады в жанре устного рассказа прошла под знаком горбуновских традиций. Всенародное признание И. Ф. Горбунова и путь, проложенный им на эстраде, обусловили появление таких выдающихся рассказчиков, как В. Н. Андреев, Бурлак, В. Н. Давыдов. Для всех актеров-рассказчиков творчество Горбунова стало образцом и символом

подлинно художественной эстрады. Актерские заветы Горбунова сохранились не только в воспоминаниях и устных преданиях, но и в его сценках, где так и слышится голос самого Горбунова. Достаточно вспомнить, с каким успехом читал И. М. Москвин сцену «У Пушки», Владимир Хенкин – монологи «Тенериф» и «Нана», а артист Малого театра В. Ф. Лебедев – многие рассказы Горбунова.

Виртуозная исполнительская техника, живописное рассказывание и импровизация отца русской эстрады И. Ф. Горбунова живет и ныне – и в устных рассказах Ираклия Андроникова, и в басенном перевоплощении Игоря Ильинского, да и в каждом чтеце, который стремится быть актером, передающим не букву, а душу написанного. Изучение творческого опыта И. Ф. Горбунова, приобщение к его самобытнейшему дарованию пробудит, будем надеяться, новых достойных преемников редкостного и веселого таланта этого замечательного рассказчика.

Горбунов будет всегда памятен нам и как историк русского театра и первый его музеограф. В фойе Александринского театра на

свои средства он создал первый театральный музей России. Сам выходец из крестьян, Иван Федорович Горбунов любил водить по своему музею посетителей и, показывая на портреты знаменитых актеров, с гордостью за русский народ говорил: «Крестьянин!.. Крестьянин!.. И это крестьянин!..»

Н. СВЕРЧКОВ.

Примечания

Импровизация от имени генерала Дитятина на обеде в честь И. С. Тургенева в ресторане Бореля в Петербурге 13 марта 1879 года. П. С. Шереметев в «Отзвуках рассказов И. Ф. Горбунова» пишет: «Очевидцы передавали, что после многочисленных речей произошло несколько неприятных объяснений между И. С. Тургеневым и Ф. М. Достоевским. Положение сделалось неловким. Тогда, кажется, Д. В. Григорович подтолкнул Горбунова сказать несколько слов и сгладить неприятное впечатление, в ответ на что он произнес от имени Дитятина эту свою известную речь, которая сразу восстановила у всех приятное расположение духа» (И. Ф. Горбунов. Сочинения, т. 3, Спб., 1907, стр. 360).

[^^^]

Дмитриев И. И. (1760–1837) – поэт-сентименталист, друг и последователь Н. М. Карамзина. Его элегии, песни и басни имели широкое распространение.

[^^^]

3

Каченовский М. Т. (1775–1842) – известный критик 20-х годов XIX века.

[^^^]

4

Михайловский-Данилевский А. И. (1790–1848) –
военный историк и писатель.

[^^^]

Закревский А. А. (1786–1865) – московский генерал-губернатор, ярый реакционер-крепостник.

[^^^]

6

Филарет (В. М. Дроздов, 1783–1867) – московский митрополит, ярый реакционер.

[^^^]

Рукопись неизвестна. Впервые опубликована в Сочинениях, т. 2, 1904.

[^^^]

8

Куртаж – плата посреднику в сделках.

[^^^]

Не следует называть имен *(лат.)*.

[^^^]

Паскевич И. Ф. (1782–1856) – русский генерал-фельдмаршал, душитель польского восстания 1830 года и венгерской революции 1849 года.

[^^^]

Письмо графу С. Д. Шереметеву от имени генерала Дитятинна. Рукопись неизвестна. Впервые напечатано в Сочинениях, т. 2, 1904.

[^^^]

Вышнеградский И. А. (1831–1895) – выдающийся русский инженер и ученый,»в описываемое время – министр финансов.

[^^^]

Сенатор М. Е. Ковалевский ревизовал Оренбургский край по делу о расхищении башкирских земель в 1880 году.

[^^^]

Письмо из Петербурга графу С. Д. Шереметеву от имени генерала Дитятина. Рукопись неизвестна. Впервые напечатано в Сочинениях, т. 2, 1904

[^^^]

Дворец великолепен! Электричество великолепно! *(франц.)*

[^^^]

Эривань вспомнил – захват русскими Еревана в русско-персидскую войну в 1827 г. войсками генерала И. Ф. Паскевича.

[^^^]